Еврейское, слишком еврейское. Что не так в «Одессе» Тодоровского

«Одесса»

Режиссер Валерий Тодоровский

В ролях: Леонид Ярмольник, Ирина Розанова, Ксения Раппопорт и др.

Россия, 2019, 130 мин.

Ну что вам сказать? Хороший, душевный фильм. 1970 год. С утра Григорий Иосифович (Леонид Ярмольник) идет на Привоз. Это ж лето, в доме собралась почти вся семья — Лора приехала из Ленинграда с мужем Володей и дочкой Женей, из Москвы Аллочкин муж Боря (он русский, просто имя у него такое) с сыном Валериком, ну и дочь Мира с мужем Ариком из Киева. Молодые,

аппетит, слава богу, у всех хороший, так надо же их чем-то кормить?

Григорий Иосифович уже купил брынзу, купил фрукты, арбуз, синенькие, как раз покупал мясо, когда раздалось по громкоговорителю: «Просьба всем немедленно покинуть рынок». Так начался холерный карантин. Не случись этой беды, вся мишпуха немного покрутились бы бок о бок, здрасьте-до свиданье, «какая ты хорошая» — «ну а ты еще лучше», и разъехались бы. Но из-за этой холеры даже на пляж нельзя пойти (в море самая сильная зараза), все волей-неволей толкутся в маленькой квартире, и под прессом беспрерывного контакта вылазит наружу, кто какой, что у кого на душе. Да нет, ничего плохого ни у кого нет на душе, но знаете как… можно двадцать лет быть с кем-то знакомым — ангел, не человек, а пожил с ним неделю в одной комнате, и видеть его больше не могу. Потому что у каждого свой характер, свои проблемы, которые другому кажутся не важными, чужую беду руками разведу. А человек обижается, думает, ты к нему равнодушен. Это далеко не единственное, что показано в фильме, там много всяких линий, зритель может вдоволь и посмеяться, и попереживать.

Притом артисты играют исключительно хорошо. Ярмольника я уже назвал. Уж в этом фильме он дал волю еврею в себе: эти бесподобные бабелевские

интонации, эти жесты, каждое слово — крупица национального юмора и мудрости. Ирина Розанова в роли его жены Раисы Ировны — типичная а идише мамэ, так старается подложить каждому еще кусочек печенки, что уже немножко в печенках у всех сидит — и смех и грех. Лора в очках, интеллигентная, но что-то неуловимо еврейское в ней все равно есть, недаром ее играет хоть Ксения, но Раппопорт. Мира (Евгения Брик) более разбитная, немножко такая, на букву б, но ее нельзя винить, ее муж Арик (Владимир Кошевой) — а ганцэ шлимазл, не может обеспечить такой красивой женщине достойную жизнь. А Боря (Евгений Цыганов), с тем вообще такое случилось, вы не поверите. То есть, вы не поверите, если я расскажу (но я не буду рассказывать!), а когда смотришь, то веришь.

По-моему, я уже сказал, что в фильме много линий. Они пересекаются, переплетаются и образуют ковер жизни, в котором всему понемножку уделяется места.

Финал. Старики снова одни. Раиса Ировна, подкладывая Григорию Иосифовичу блинчик:

— Аллочкиного Борю тра-та-та (не тра-та-та, а зи зугт эпес аф идиш, я не разобрал, извините). Гриша, сметану будешь? (Опять длинное тра-та-та).

Григорий Иосифович:

— Так собери посылку для детей. Синенькие. И айву можно передать, с проводником. Слава богу, уже не холера, поезда ходят.

Радуешься вместе с ними, что холера кончилась, и печалишься, что фильм кончился.

Но это еврейский фильм, правильно? И пишет о нем еврей. А у евреев, вы же знаете, все имеет две стороны. Другая сторона в данном случае такая.

Ну, хорошо, евреи. Очень приятно. Через десять минут мы уже поняли, что евреи. Но нет, продолжаются эти слишком еврейские интонации, эти длинные тирады аф идиш без перевода. Но раз без перевода — значит, тирады эти не имеют никакого значения, играют чисто декоративную роль и нужны лишь для того, чтобы заставить нас до конца поверить, что перед нами таки евреи. Во что действительно трудно поверить, наблюдая, например, за изумительной, изумительной игрой Ирины Розановой. Да, игра, возможно, изумительна, но слишком старательна, слишком игра, и как страхолюдно ни загримировали красивую Розанову, как ни зажали ее богатую грудь бандажом, чтобы она выглядела исчахшей от кухонного чада Раисой Ировной (да что за отчество такое? Ни разу не встречал), — словом, как ни лезет Розанова из кожи вон, кося под еврейку, из нее такая же еврейка, как из Людмилы Зыкиной. К тому же Розанова имела плохого консультанта по идише и, случается, ставит неправильные ударения. Не могу похвастаться своим еврейским, но все-таки надо произносить «гот золл **у**пытн», а не «уп**ы**тн». Это все равно что в русском переводе этого предложения Людмила Зыкина произнесла бы «боже уп**а**си» вместо «боже упас**и**». Вообще, когда Розанова долго говорит на идишt, нельзя сдержать невольного чувства стыда за нее.

Ярмольник, конечно, естественнее, но тоже чересчур, чересчур. Каждое слово изумруд, не мешало бы разбавить обыкновенным ракушечником.

Почему они так пережимают? Потому что фильм ни про что, просто «за жизнь». Если бы в нем была какая-то определенная, жизненно важная тема, не надо было бы все время жизнь имитировать: сделали в начале акцент на пятой графе, а дальше уже шел бы сюжет, какие-то заслуживающие серьезного зрительского внимания драматичные заморочки и т.д. Но если имитация жизни — самоцель, то режиссер постоянно старается как-то к нам подъевреиться. То есть Тодоровский, конечно, еврей… но он уже очень слабый, размытый еврей (в чем, разумеется, не такому еврею, как я, его упрекать). Будь его еврейство органично, ему не пришлось бы перебарщивать, то есть переюхивать (моя бабушка называла суп «юх»). А так, как оно есть, получается «шмольц» (моя бабушка так называла топленый жир).

Но можно объяснить бестемность, бескостность и какую-то угодливость фильма по отношению

к зрителю без того, чтобы лезть режиссеру в душу и метрику. Шесть лет

назад он снял сериал «Оттепель», по-моему, очень удачный. Но сериалы — вид зрелища по самой своей сути размазисто-разляпистый. Их авторы всегда тянут резину, но если они это делают достаточно умело, мы им прощаем: надо ведь как-то коротать долгие зимние вечера. Но фильм — нечто более определенное и мускулистое, это история на два часа, а не мансы на двадцать. Тут уж изволь иметь внятный тезис и четко следовать ему. Тодоровский же снял как бы конспект сериала.

Я сказал, что линии в фильме переплетаются, но, на самом деле, это не так. Часть фильма — про обиду Григория Иосифовича, часть про ссору сестер, часть — про таинственное исчезновение девочки Жени, часть — про странные отношения Бориса с… а вот не скажу, с кем! И все это слишком «галопом по Европам», чтобы мы относились к происходящему всерьез.

Когда эвакуация забросила моих маму, дедушку и бабушку в уральскую деревню, крестьяне приходили поглазеть на них сквозь окошко избы: что за существа такие, явреи? Но они были разочарованы… никаких признаков рогов на головах этих Шафранов не наблюдалось. Режиссер изо всех сил старается не разочаровать нас, убедить, что эти Давыдовы ни на кого не похожи, что хаос иудейский — это что-то особенное. И он хочет, чтобы мы умилялись этому хаосу, кагалу, кухонному срачу и гвалту на идише.

Что ж, мы послушно умиляемся. Но не слишком. Ведь мы-то знаем, что никакие мы не особенные. Нечего на нас умиляться, среди нас еще те фрукты встречаются. Люди как люди. Язык как язык. И зачем эти монологи на идише? Евреи такие смешные, когда на своем диалекте лопочут и руками машут? Грузины тоже смешные и руками машут, но разве в чудесных фильмах Данелии «Не горюй!» и «Мимино» были монологи на картвели? Фрунзик Мкртчян, тот вообще такой смешной, обхохочешься, но где он в фильмах говорит на армянском?

Раиса Ировна и Григорий Иосифович все время базарят на идише, но фамилия их Давыдовы. Лучше бы они говорили исключительно на русском, но имели фамилию Гройсман или Теперман. Но нет, это было бы чересчур. Монологи на идише не чересчур, а нормальная еврейская фамилия чересчур. Здесь Тодоровский невольно проговорился, что он все-таки любит евреев, когда они почти русские. Ну ладно, я опять полез ему в душу.

Возвращаясь к умилению. Это чувство-облачко. Как оно легко возникает на душевном небосклоне, так же легко с него испаряется. Так и этот умилительный фильм пролетит и забудется.

Учтите, я не говорю, что смотрел «Одессу» без всякого удовольствия. Так что — вяло рекомендую. 3,5 из 5.

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»